

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 5—21.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 5—21.

Научная статья

УДК 830(091)''1947''

DOI: 10.46726/И.2023.1.1

**ПЕРВЫЙ (БЕРЛИНСКИЙ) ПОСЛЕВОЕННЫЙ СЪЕЗД
НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1947)**

Евгений Александрович Зачевский

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, archont35@mail.ru

Тамара Викторовна Кудрявцева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, muchina@yandex.ru

Аннотация. Впервые в отечественной гуманитарной науке представлено подробное исследование, посвященное подготовке и проведению Первого послевоенного съезда писателей Германии, состоявшегося в 1947 г. в Берлине. Исследование основывается на фактографическом материале (материалы съезда — документы, выступления делегатов, отклики в печати, воспоминания участников). Аналитическая оценка события предполагает привлечение широкого историко-культурного и политического контекста эпохи, что позволяет лучше понять ситуацию в поверженной Германии и отношение к случившейся трагедии немецких писателей разных поколений и политических взглядов в сравнении с позицией кураторов стран-победительниц.

Ключевые слова: литература Германии после 1945 года, литературные съезды, холодная война, демократия, литературное творчество, культурная политика, СССР, США

Для цитирования: Зачевский Е.А., Кудрявцева Т.В. Первый (берлинский) послевоенный съезд немецких писателей (1947) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 5—21.

© Зачевский Е.А., Кудрявцева Т.В., 2023

Original article

THE FIRST (BERLIN) POST-WAR CONGRESS OF GERMAN WRITERS (1947)

Evgeny A. Zatshevsky

Independent Researcher. St. Petersburg, Russian Federation, archont35@mail.ru

Tamara V. Kudryavtseva

A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, muchina@yandex.ru

Abstract. For the first time in the Russian sector of humanities, a detailed review is presented on the subject of preparation and staging the First Post-war Congress of Writers in Germany, held in 1947 in Berlin. The research is based on factual material (materials of the congress — documents, speeches and memories of delegates, responses in the press). The analytical assessment of the event involves a broad historical, cultural and political context of the era, which makes it possible to understand the situation in defeated Germany and the attitude of German writers of different generations and political views to the tragedy in comparison with the position of the winner-countries curators.

Keywords: German literature after 1945, literary congresses, cold war, democracy, literary creativity, cultural policy, USSR, USA

For citation: Zatshevsky E.A., Kudryavtseva T.V. The First (Berlin) Post-war Congress of German Writers (1947), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 5—21.

Важной точкой отсчета в развитии литературы Германии после 1945 г. может рассматриваться Первый конгресс немецких писателей (Erster Deutscher Schriftstellerkongreß), который также называют общегерманским. Он готовился под непосредственным патронажем Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и состоялся в октябре 1947 г. в Берлине.

В свое время берлинский съезд вызвал живой интерес современников. Еще в конце 1947 г. журнал Берлинского союза по защите прав немецких писателей «Автор» анонсировал выход в свет в 1948 г. стенограммы съезда. Тем не менее, первая попытка опубликовать все его материалы была предпринята лишь в начале 1970-х. Однако частично материалы съезда (15 докладов и пр.) были опубликованы лишь в 1979 г. [15 Kongreßbeiträge...]. В 1975 г. в ГДР была защищена диссертация, в которой впервые были введены в научный оборот некоторые оригинальные документы берлинского съезда [Schiller]. В 1979 г. там же вышла статья, посвященная подготовке и проведению съезда [Bock]. В 1988 г. известное издательство «Петер Ланг» выпустило книгу, в которой также освещалась работа Первого съезда [Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß...]. Значительным событием стал также выход в 1997 г. в бывшей ГДР материалов берлинского съезда «Первый конгресс немецких писателей 4—8 октября 1947 года» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...].

В советском литературоведении об этом событии кратко сообщается в главе немецкого литературоведа Х. Хаазе «Литература 1945—1949-х годов»

[История литературы ГДР: 12]. До сих пор материалы съезда не переводились на русский язык.

Первый общегерманский конгресс немецких писателей проходил с 4 по 8 октября 1947 г. в советском, английском и американском секторах Берлина. На первый план в его работе выдвинулись вопросы послевоенной судьбы Германии, пути преодоления ее политической и духовной изоляции. Обстановка, в которой проходил съезд, определялась общей политической ситуацией в Германии и вокруг нее — атмосферой нарастающего напряжения в отношениях СССР и его бывших союзников по антигитлеровской коалиции [Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ...].

Несмотря на формальное согласие всех оккупационных властей провести съезд, главную роль в этом мероприятии играла советская сторона. Идея его проведения исходила от «Культурного союза по демократическому обновлению Германии» («Культурбунд») во главе с его основателем И.Р. Бехером и была поддержана советским военным командованием в лице Отдела культуры СВАГ. Западные оккупационные власти отнеслись к идее проведения съезда достаточно сдержанно. Причины этого прежде всего следует искать в разногласиях по поводу деятельности «восточного» подразделения общенемецкого Культурбунда. Поэтому основную работу по проведению конгресса взяла на себя СВАГ, а сам «Культурбунд» оставался в тени¹. Соорганизатором съезда с западной стороны выступил основанный еще в 1909 г. на правах профсоюза Союз по защите прав немецких писателей (Schutzverband deutscher Schriftsteller)². Создавалось впечатление, что для американской, британской и французской военных администраций проведение съезда не было делом первостепенной важности. В этой связи представляют интерес дополняющие картину его подготовки воспоминания участника съезда, известного немецкого литературоведа Ганса Майера (Hans Mayer, 1907—2001): *«В лучах прожекторов обозначились фигуры представителей четырех оккупационных властей, сидящих за одним столом. Они благословили конгресс <...> Картина имела гротескные черты. Бледный англичанин произнес несколько пустых фраз. Американец представлял какого-то деятеля из Информационного бюро. Недовольный возникшим беспокойством, он просто ворчал, так как не знал, что сказать, и это было очень заметно. Французский генеральный инспектор Эпп, ответственный за Культурный отдел своего военного ведомства, приготовил речь, очевидно, он воспринимал конгресс всерьез. Материалы конгресса публиковались, рецензировались и анализировались в издававшейся во французском секторе Берлина по французской лицензии ежедневной вечерней газете “Курьер” (“Der Kurier. Die Berliner Abendzeitung”)*» [Mayer: 388].

Главная сложность проведения съезда состояла в том, что на нем столкнулись интересы держав-победительниц, а немецкие писатели, по сути, выступили в роли заложников навязываемой извне культурной политики.

¹ Несмотря на это в последний день работы съезда американские оккупационные власти запретили деятельность «коммунистического» Культурбунда в своем секторе Берлина, а с 1 января 1948 г. с согласия союзников — на территории всех западных оккупационных зон. См. подробнее: [Gmehling: 181].

² В 1920 г. к названию было добавлено: «профсоюз немецких писателей» (Gewerkschaft deutscher Schriftsteller). См. подробнее: [Kron F. Schriftsteller und Schriftstellerverbände...: 229].

Об этом свидетельствуют выступления официальных представителей военных администраций бывших союзников: Э.Т. Эпп говорил о литературе от лица французской военной администрации, Ф.Б. Блейстейн — американской, Ч.Б. Линч — английской, А.Л. Дымшиц — советской [Wende-Hohenberber: 119].

Как отмечал Г. Майер, А.Л. Дымшицу принадлежала важная роль в организации и проведении съезда, который, по словам Майера, «был делом его рук» [Maier: 389].

В работе Первого съезда приняли участие около 300 писателей, публицистов, издателей, редакторов, критиков и корреспондентов, прибывших из Англии, Чехословакии, Югославии, Франции, Южной Африки, СССР, США и из четырех зон оккупации Германии. С советской стороны в работе конгресса участвовали Валентин Катаев, Всеволод Вишневский, Борис Горбатов и А.Л. Дымшиц. Почетным председателем высокого собрания была избрана Рикарда Хух. Заседания съезда вели Фридрих Вольф, один из организаторов съезда, писатель Гюнтер Биркенфельд (Günter Birkenfeld, 1901—1966), писатель-антифашист, участник коммунистического Сопротивления Гюнтер Вайзенборн (Günther Weisenborn, 1902—1969), искусствовед и журналист из западной зоны Берлина Эдвин Редслоб (Edwin Redslob, 1884—1973) и западногерманский юрист и писатель Карл Фридрих Боре (Karl-Friedrich Borée, 1886—1964). На съезде присутствовал также приглашенный лично Дымшицем Генеральный секретарь международного ПЕН-клуба англичанин Хермон Оулд. Среди делегатов выделялись писатели-эмигранты, вернувшиеся из СССР. Они выступали с докладами и принимали активное участие в дискуссиях. Приглашения принять участие в работе конгресса получили и писатели, жившие в эмиграции в других странах: Т. Манн, А. Цвейг, О.М. Граф, К. Хиллер, Л. Франк, А. Эренштейн и др. Многие по разным причинам не смогли принять участие в съезде, однако большинство из них откликнулись на приглашение приветственными письмами с пожеланиями делегатам успешной работы. Менее представительной оказалась делегация западных писателей. В частности, не увенчалась успехом попытка Дымшица пригласить на съезд находившихся в то время в СССР Стейнбека, Колдуэлла и Арагона.

Основные мероприятия съезда проходили в здании Немецкого театра (Deutsches Theater) в восточном секторе, а торжественное открытие состоялось в театре имени Геббеля в Западном Берлине. С приветственными словами выступили Председатель Союза по защите прав немецких писателей Роланд Шахт, представители военных администраций француз Эжен Теодор Эпп, американец Фред Блейстейн, канадец Чарльз Линч. Советскую сторону представлял А.Л. Дымшиц. В числе выступивших на открытии съезда были также К.Ф. Боре, политик из Западного берлина Вальтер Мэй и швейцарский политик Фриц Мозер.

Второй день работы съезда открылся торжественной мемориальной церемонией, посвященной жертвам нацизма. Ее открыл арестованный в 1942 г. нацистами и освобожденный советскими войсками Гюнтер Вайзенборн. С приветственными речами выступили немецкий писатель Вильгельм Унгер (Wilhelm Unger, 1904—1985), Р. Хух, Б. Горбатов и др. Работа съезда продолжилась на секционных заседаниях, где в разные дни обсуждались актуальные по мнению его организаторов и участников темы — «литература и насилие», «литература и общество», «духовная позиция писателя», «развитие немецкой литературы», а также организационные, юридические аспекты литературного дела и др.

Вход на все мероприятия был свободным для всех желающих, что в значительной мере расширило аудиторию участников конгресса.

Тема единства Германии стала сквозной на берлинском съезде. На утреннем заседании 5 октября, посвященном памяти погибших в борьбе с нацизмом, Р. Хух, отметив в своем «Призыве к писателям» (“Ruf an die Schriftsteller”), что в Восточный Берлин приехали писатели из разных частей разделенной Германии, поделилась своим всееляющим, по ее словам, надежду и оптимизм чувством: «ты находишься в Германии, не в одной из ее частей, а в целостной единой Германии» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 101].

Формально в том же ключе эту мысль выразил Б. Горбатов в своей речи на послеобеденном заседании того же дня: *«Мне видится будущий конгресс немецких писателей единой Германии. Это будет конгресс писателей единой демократической Германии, писателей, которые прошли через множество испытаний и вышли из них победителями»* [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 185].

Тем не менее, уже в начале работы съезда проявились различия и в смысловом наполнении ключевых политических, идеологических, мировоззренческих и эстетических понятий, которые должны были выявить сходения и различия точек зрения делегатов на пути возрождения страны и ее культуры.

Так, Р. Хух, отмечая несравнимую с прежними временами сложность задач, вставших перед писателями после разгрома нацизма, когда «все ставится под вопрос и все усилия наталкиваются на безнадежность, на ожесточение или бессильное равнодушие», связала выполнение возложенной на интеллектуалов миссии по возрождению нации не только с необходимостью укреплять свободное от «агрессивного национализма», исполненное библейскими смыслами «чувство единства», но и равноценные ему «патриотизм» и «национальное чувство». Лишь так, констатировала Хух, можно было соответствовать стоящим перед писателями задачам — «стать гражданами мира, но одновременно и в первую очередь — оставаясь немцами» [Там же: 102].

В один ряд с вопросом о будущем Германии встала для немецких делегатов проблема языка. Внимание интеллектуалов к его роли в жизни нации объяснялось не просто тем, что немецкий язык, а стало быть, и общественное сознание во времена нацизма претерпели существенную трансформацию, но прежде всего нависшей угрозой расчленения Германии.

Особое значение языка для сплочения немецкой нации первой обозначила Р. Хух: *«Поэты и писатели имеют особое отношение к единству, а именно, через язык. Язык отделяет один народ от другого, но он и объединяет народ, а поэты и писатели — властители языка. Они сохраняют и обновляют язык. Они воздействуют своим языком на сердца и управляют мыслями. И с помощью языка они также властвуют над духом»* [Там же: 101].

Несколько в ином ключе прозвучало выступление Г. Вайзенборна. В своей речи «О смерти и надежде поэтов» (“Von Tod und Hoffnung der Dichter”) он напомнил присутствующим о том, что «быть поэтом в Германии — опасная профессия», и что «павшие это знали, но предпочли не избегать опасности, ибо надеялись на то, что человечество на своем трудном марше сквозь тысячелетия однажды, наконец, преодолет залитые кровью толщи насилия, чтобы достичь высот, где живет солидарность народов» и от имени всех «собравшихся в этом городе в парламенте духа» заявил, что участники съезда служат «для миллионов читателей ... инструментом, излучателем, посылающим свои импульсы знания миллионам» [Там же: 108—109].

Все выступления утреннего заседания 5 октября прошли под знаком памяти писателей, погибших от рук нацистов. Как позже вспоминал Г. Майер, на сцене театра имени Геббеля «... был размещен огромный щит, на котором появлялись имена Объятые ужасом слушатели восклицали “И этот?!” Еще мало кому было известно о судьбах тех или иных писателей» [Mayer: 389].

Вайзенборн продолжил начатый Р. Хух разговор о значимости немецкого языка (литературы) для судеб нации на примере «Моабитских сонетов» (“Moabiter Sonette”) Альбрехта Хаусхофера (Albrecht Haushofer, 1903—1945), географа, расстрелянного нацистами в тюрьме Моабит в апреле 1945 г. и выразившего в своих предсмертных стихах неприятие гитлеровского режима: «... в дни катастрофы поэт Альбрехт Хаусхофер был найден убитым, он держал в руках стихи. ... Стихи в руках мертвых! В пурпурный кровавый туман поднимались тогда незапятнанные холодеющие руки поэтов, чтобы преподнести грядущему свой дар, тому дню, когда выживший мир, объятый благоговейным трепетом от ауры павших поэтов, склонится перед их наследием.

Этот день настал.

Мы все ... собрались здесь, чтобы услышать в стихах и прозе мертвых биение их сердец.

... И сегодня мы находимся в центре битвы на Каталаунских полях языка. Никогда раньше не было столько лингвистических сражений на фронтах систем мышления, предметных областей, понятийных аппаратов, и все они оставляли следы в виде смысловых обломков, реликтовых словечек, исковерканных или потускневших терминов, которыми плюется нынешняя речь. Стареющие слова, языковой отстой, новояз и фразерство бестолково кружатся в пене водопадов нашего любимого древнего языка.

Пришло время <...> вмешаться и усмирить всполошенный язык <...> и найти язык своего времени.

<...> мы, писатели немецкого народа, впервые собрались, когда молчат пушки. Сможем ли мы в память о погибших исполнить нашу миссию? Сможем ли мы побороть недоверие и ненависть? Выстоять? Быть внутренним голосом народа, который в годину невзгод ищет понимания от всего мира? <...>

Люди, которых <...> называют политиками, не раз нас разочаровывали <...>.

Мы живем здесь и сейчас <...>. Будем же <...> мужественно смотреть вперед и искать собственный язык <...> нашего времени <...>» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 104—107].

Программным можно назвать выступление И.Р. Бехера «Как писатель борется за мир?» (“Wie kämpft der Schriftsteller für den Frieden?”), прозвучавшее на вечернем заседании 7 октября. Будущий министр культуры ГДР Бехер обозначил задачи, которые, по его мнению, предстояло решать немцам. Заявив, что основная задача немецкого писателя состоит в разоблачении мифа о «таинственном, мистическом характере войны», рисуящего это социальное явление в терминах «судьбы», воли «провидения», оратор объявил «врагами мира и, соответственно, человечества всех тех, кто говорит о неизбежности войны». Вместе с тем, по Бехеру, для каждого немца должно быть делом чести «отстаивать национальные интересы» и поднять голос в защиту «национального единства Германии»: «Большинство немцев <...> выражает надежду, что великие нации ни при каких условиях не будут проводить смертельно опасный для всего мирового сообщества эксперимент по разделу Германии» [Там же: 363].

Не менее важным представляется Бехеру и единство немецкой литературы: *«Неприемлемо противопоставлять Восток и Запад, <...> в интересах всех немцев — не допустить, чтобы нас развели по зонам, <...> в этом смысле не существует восточной и западной литературы <...>, а есть одна, немецкая, не разделенная зональными границами, для которой скоро снова откроется окно в мир»* [Там же: 364].

Примечательно и то, что Бехер призывает простить тех писателей, кто заблуждался и не боролся против нацизма, и дать этим людям шанс на будущее [Там же: 366], а также прекратить споры между теми, кто покинул страну и теми, кто остался в нацистской Германии [Там же: 365]. Тема, связанная с разгоревшейся в интеллектуальной среде дискуссией о внешней и внутренней эмиграции, была затронута во многих докладах. О ее важности свидетельствует тот факт, что гражданская позиция внешних и внутренних эмигрантов стала предметом обсуждения уже на вечернем заседании 5 октября.

В отличие от острых споров, развернувшихся в контексте знаменитой контroversы против Т. Манна, устроенной авторами «внутренней эмиграции» консервативного крыла (В. фон Моло / Walter Reichsritter von Molo, 1880—1958 и др.) и поддержанной набиравшими авторитет в послевоенной Германии молодыми писателями «Группы 47», среди участников съезда преобладала позиция объединения писательского сообщества. На примере жизни и творчества писателей, эмигрировавших в Великобританию, важный вклад литературы в изгнании отметили в своих приветственных словах на вечернем заседании 5 октября Х. Оулд и В. Унгер. В этом же ключе прозвучал и посвященный писателям-эмигрантам доклад Альфреда Канторовича (Alfred Kantorowicz, 1899—1979). Своей речью он, как и предыдущие ораторы, преследовал цель разрушить сформировавшееся в обществе (вне зависимости от политических и идеологических взглядов граждан) мнение об уехавших из страны как о людях, якобы бросивших ее в минуту бедствий. Канторович назвал «беспрецедентное» по количеству (250) число писателей, покинувших нацистскую Германию. Он привел факты, свидетельствовавшие о тяжелых испытаниях, которые выпали на долю писателей, оказавшихся на чужбине, об их вкладе в борьбу против нацизма. Как подчеркнул Канторович, главным оружием в этой борьбе стал «родной язык», на котором писатели пытались доносить правду о постигшей страну трагедии и сохранить его чистоту от захвативших власть осквернителей [Там же: 143—144]. О значении для международного сообщества литературного вклада немецких писателей-эмигрантов, отметил Канторович, ответствовали «сотни книг, переведенных на разные языки и <...> ставших достоянием мировой литературы» [Там же: 145].

Гражданской и творческой позиции писателей, оставшихся в нацистской Германии и не подвергавшихся открытым преследованиям нацистской власти, был посвящен доклад Элизабет Ланггессер (Elisabeth Langgässer, 1899—1950). Сославшись на слова одного из известных поэтов «внутренней эмиграции», Оскара Лёрке (Oskar Loerke, 1884—1941) о том, что основная миссия писателя состоит в том, чтобы запечатлеть все пережитое посредством языка, Ланггессер заявила, что задача писателя — быть писателем, а не политиком, гуманистом, пацифистом и пр. В этом, по Ланггессер, состоит главное различие между представителями внешней и внутренней эмиграции. Но в главном, делает вывод писательница, в творчестве и тех, и других все же было нечто общее: они «эмигрировали все глубже в пространство своего языка». Поэтому, заключает она, спор между теми, кто уехал, и кто остался,

а также о том, кто из них лучше, «неуместен». Всех их объединяло осознание невозможности использовать уродливое детище нацистской реальности, язык, исковерканный «громкоголосыми новообразованиями: пустыми, ничего не говорящими и ничтожными; посеянными и прижившимися на обочинах языковых дорог кучами языковых отбросов» [Erster Deutscher Schriftstellerkongress...: 137]. Этот язык, по Ланггессер, «изгажен <...>, страшен, стал достоянием шулеров...». Вынужденные избегать лексики, лишенной своих первоначальных смыслов (земля, кровь, родина, герой и пр.), многие писатели «внутренней эмиграции» сужали пространство художественной рефлексии, ограничиваясь местной тематикой, углубляясь в историческое прошлое, предаваясь романтическим иллюзиям, либо прибегая к эзотерике, излишней метафорике и смысловой затемненности высказывания.

Ланггессер выявляет причинно-следственную связь между уходом писателя в «башню из слоновой кости» [Там же: 138] и его недостаточно выраженной гражданской позицией по отношению к нацистскому режиму. А отсутствие в произведениях ушедших в глубокое творческое подполье — «внутреннюю эмиграцию» [Там же: 140] — злободневной тематики писательница считает причиной невостребованности подобных произведений в послевоенной Германии.

Позиция Ланггессер объяснима в контексте радикальной критики интеллектуалами послевоенного времени «языка Третьего рейха», проявившейся как в художественной практике, так и в философской эссеистике (Р. Леонгард, В. Клемперер, К. Ясперс, В. Краус и др.). Ланггессер, по сути, выступила от имени писателей среднего и молодого поколения (В. Вейраух, Г. Айх, В. Шнурре, В. Борхерт и др.), подвергших обструкции выхолащенный, лживо-пафосный нацистский стиль и стремившихся к простоте, лаконичности, непосредственности языкового выражения.

В прениях по прозвучавшим докладам выступили писатели как внешней, так и внутренней эмиграции. Главный вывод состоял в том, что пришло время сосредоточиться на реальных проблемах и внести свой вклад в их решение [Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß...: 38—39]. В целом в дискуссионном обмене мнениями участников съезда ярко проявился духовный климат времени: наряду с желанием позитивных перемен писатели в то же время опасались непредсказуемости политических решений со стороны победителей. На съезде столкнулись прежде всего точки зрения писателей, вернувшихся на родину из СССР, и тех, кто провел годы изгнания в других странах, в первую очередь в США. Первые с особой силой и убедительностью восхваляли советский образ жизни, вторые отстаивали образ жизни западного образца.

«Обмен мнениями» начался уже во время открытия съезда. В своей приветственной речи А.Л. Дымшиц изложил, по сути, основные положения советской программы по обновлению культурной жизни Германии: *«я обращаюсь к новой немецкой демократии. Я приветствую возрождающуюся демократическую литературу Германии, которая смыкает свои ряды. Прежде всего я приветствую тех из вас, кто в мрачные годы фашистской диктатуры в Германии начал борьбу с гитлеризмом, разоблачал преступный нацистский режим <...>. Как советский литератор и как офицер нашей великой армии, во имя мира и свободы сражавшейся против фашизма, я хотел бы сказать <...>, что у нас с вами были и есть общие задачи. Первая — победа над империалистической реакцией, над идеологией милитаризма,*

над пропагандой захватнической войны. Поэтому у меня нет сомнений в том, что новая демократическая немецкая литература так же, как и советская литература, напишет на своих знаменах два слова, простых и коротких, но твердых и победных: мир и свобода!» (Аплодисменты) [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 87—88].

Идеологическое противостояние двух политических систем четко обозначилось 6 октября. В тот день в соответствии с программой съезда на повестке дня стояли доклады, посвященные вопросам связи литературы и общества. Основное внимание докладчики уделили понятию свободы творчества, художественной правды и литературной критики. Раскол между бывшими союзниками ярко проявился на послеобеденном заседании. В своей открыто провокационно-пропагандистской речи Вс. Вишневский напомнил участникам съезда о том, что «мир разделен на две части», одна из которых «представлена черной реакцией, варварством, идеологией человеконенавистничества и милитаризма, а другая — миллионами простых людей, которые живут и борются за мир <...> и демократию». Назвав виновников подобного разделения в лице «американской и британской реакции», пугающих мир «железным занавесом» и «атомными бомбами», он призвал немецких писателей и немецкий народ вливаться в ряды миллионов «демократов», следуя примеру советских писателей, и поддержать Советский Союз в его борьбе за «мир и свободу» во имя «простых людей» [Там же: 245—247].

Речь Вишневского постоянно прерывалась аплодисментами. После его выступления в зале на некоторое время воцарилась напряженная тишина. Ведущий заседание Э. Редслоб, поблагодарив уже выступивших докладчиков, приветствовал «гостей из Лондона» — британского журналиста и антифашиста Генри Нозля Брейлсфорда, его супругу, немку Еву Марию Брейлсфорд, а также не вернувшегося из западной эмиграции, жившего в Англии и приехавшего на съезд по поручению Британской военной администрации в Германии В. Унгера и предоставил им слово для приветствия. Все трое ответили на предложение отказом [Там же: 248]. После этого под аплодисменты присутствующих Редслоб объявил запланированное выступление писателя из западной зоны оккупации Рудольфа Хагельштанге (Rudolf Hagelstange, 1912—1984).

Хагельштанге начал выступление с разъяснения позиции по отношению к «судьбоносной проблеме подлинной демократии» [Там же: 250] послевоенного литературного поколения, еще мало известного читателям. В отличие от прозвучавших ранее речей, исполненных патетики и трагизма либо открытого пропагандистского звучания, его выступление, нередко прерываемое аплодисментами и пр., можно сравнить с холодным душем, который был призван остудить разогретую атмосферу зала. Хагельштанге обозначил главную, по его мнению, тему, к которой надлежало обратиться современному немецкому писателю: «*в переполненных поездах и залах ожидания, в очередях <...> гильдия пишущих могла бы найти наглядный материал, от которого у некоторых <...> отнялся бы язык. Здесь можно найти обычную жизнь, <...> здесь можно было бы оценить степень значения дискуссий и споров о <...> Томасе Манне и заинтересованности в них общественности*» [Там же: 250].

В ситуации, продолжил писатель, когда политики не могут решить, что такое демократия, именно писатели должны попытаться ответить на этот вопрос и предложить свои методы воспитания немецкой молодежи в духе демократии, смысл которой для Хагельштанге определяется действенностью права, умением слушать других и говорить правду [Там же: 251—252].

После выступления Хагельштанге неожиданно в нарушение программы (после него должен был выступать участник французского Сопротивления Рудольф Леонгард (Rudolf Leonhard, 1889—1953) с докладом «О деградации языка» (“Über die Sprachverwilderung”) попросил слова В. Унгер. Вместо запланированной речи, также посвященной проблемам языка, он вернулся к выступлению Вс. Вишневского. Напомнив, что ему было предложено высказаться в прениях по этому докладу, Унгер сказал: *«Впечатляющая речь делегата из Советского Союза лишний раз показала нам, насколько важно бороться за мир во всем мире. Он говорил об американской и британской реакции. Конечно, возможно, подобное имеет место (оживление и беспокойство в зале). В Англии главенствует свобода прессы, и каждый волен высказывать свою точку зрения, и естественно, что в стране с населением в сорок или пятьдесят миллионов человек найдутся такие, кто в своем свободном волеизъявлении будет высказывать и реакционные мысли <...>. Другой вопрос — насколько они действительны»* [Там же: 253].

Он также заявил о приверженности демократии большинства британских писателей и привел убедительные примеры демократической позиции присутствовавших на съезде всемирно известных «борцов за взаимопонимание и примирение народов» [Там же: 254] Брейлсфорда и Оулда. Прямым выпадом в адрес Вишневского, призвавшего немецких писателей отстаивать демократические принципы, следуя советскому образцу, прозвучало заявление Унгера о том, что задача немецких писателей, где бы они ни находились, — сглаживать противоречия между союзниками, а не поддерживать создаваемые ими блоки. Под аплодисменты, сопровождаемые криками браво и пр., он взял на себя смелость от лица всех немецких писателей заявить: *«Мы ничего не хотим знать ни о Восточном, ни о Западном блоке, между которыми мы однажды можем оказаться раздавленными. Мы хотим бороться за единение всех народов»* [Там же: 254].

Выступавшие после Унгера докладчики Р. Леонгард, Эрнст Пенцольдт (Ernst Penzoldt, 1892—1955) и Вильгельм Эмануэль Зюскинд (Wilhelm Emanuel Süskind, 1901—1970) дискуссию не поддержали, сосредоточив внимание на проблемах немецкого языка и литературной критики. Однако Е.М. Брейлсфорд вернула участников съезда к политике. Доклад Брейлсфорд был посвящен этической проблеме бесчеловечности военных авантюр, ведущих к бесчисленным жертвам среди мирного населения. Докладчица напомнила об ответственности каждого за то, что происходит в мире, о необходимости воспитывать в себе чувство сопричастности судьбам других людей, всех тех, кто страдает или терпит несправедливость, а также о том, что именно интеллектуалы должны сказать свое слово и сделать все от них зависящее, чтобы мир и взаимоуважение вернулись в сердца людей. Это, по ее убеждению, и должно будет определять демократический характер общества [Там же: 268—270].

За докладом Брейлсфорд последовала спонтанная ответная речь Ф. Вольфа, которую можно обозначить как выплеск возмущения точкой зрения, игнорирующей фактическое положение вещей, и вызванный желанием призвать коллегу «одуматься», поскольку, по его мнению, недопустимо философствовать о «человечности» в то время, когда Германия еще продолжает вести «тяжелейшую борьбу с фашизмом», когда в «университетском городе Бонне еще недавно красовался плакат: “Гитлерюгенд обвиняет!”», когда в Берлине «молодые люди уже опять распевают на улицах гитлеровские марши», когда

«на еврейских кладбищах разрушают могильные плиты». Напомнив о злодеяниях нацистов, свидетелями которых были многие писатели, Вольф привел слова немецкого классика Георга Бюхнера от том, что прощать преступников означает проявлять жестокость по отношению к жертвам [Там же: 271].

После незапланированного выступления Ф. Вольфа Редслоб был вынужден просить зал прекратить дискуссию и вернуться к заявленным темам. Тем не менее, полностью отвлечься от предмета дискуссии не удалось. Следующий докладчик, вернувшийся из советской эмиграции театральный деятель Густав фон Вангенхайм (Gustav von Wangenheim, 1895—1975), в начале своего выступления напомнил о докладах Брейлсфорд и Вишневецкого и призвал коллег доверять друг другу, поскольку все собравшиеся, следуя его словам, были едины в искреннем желании преодолеть последствия нацистского режима. Основная часть доклада Вангенхайма была посвящена роли языка в решении этой задачи. Лейтмотивом выступления стала высказанная ранее Р. Леонгардом мысль о том, что искажение языка равно искажению мысли [Там же: 273]. В итоге, заключил Вангенхайм, ссылаясь на выступление Р. Хагельштанге на вечернем заседании 6 октября, из этого проистекает недопонимание во всякого рода дискуссиях, и, как следствие, затрудняется процесс постижения истины [Там же: 274].

Проблему недопонимания и необходимости его устранения вне зависимости от способов выражения «истины», будь то эзопов язык или откровенно плакатный стиль, затронула и выступавшая вслед за Вангенхаймом Э. Ланггессер. Модератор Э. Редслоб весьма дипломатично завершил заседание. Его заключительная речь, казалось бы, должна была поставить точку после насыщенного полемикой дня и послужить некоторым предостережением на будущее: *«Проявившиеся противоречия были нам известны. Мы ценим, что о них говорят <...>, нам важно выслушать разные точки зрения. <...> Демократия не означает навязывания своего мнения, <...> демократия — это проявление терпимости <...> и стремление понять другого»* [Там же: 276].

Тем не менее на следующий день, 7 октября, уже на утреннем заседании разразился настоящий скандал. «Что-то готовилось <...>, — вспоминает Г. Майер. — На сцене <...> появились микрофоны и прожектора западных СМИ. Означало ли это, что известный американский писатель решил подискутировать с немецкими коллегами?» [Mayer: 290].

Заседание вел Г. Биркенфельд. Во время Второй мировой войны он служил фронтовым репортером в войсках вермахта, а в 1945 г. получил лицензию американских оккупационных властей на издание в Берлине журнала для молодежи «Горизонт» (“Horizont. Zeitschrift der jungen Generation”). Открывая заседание, Биркенфельд призвал американцев и англичан, находившихся в зале, отреагировать на вчерашний советский выпад. Такой человек нашелся, более того, его кандидатура была выбрана заранее. Двадцатисемилетний американец, журналист, антикоммунист и антисоветчик Мелвин Ласки (Melvin J. Lasky), живший в западной части Берлина, в своем подготовленном ночью выступлении заявил о недопустимости подчинения свободы писателей партийной диктатуре, указав на негативные процессы в советской культуре и искусстве. Прозвучало слово «ежовщина», а также имена А. Ахматовой, М. Зощенко, С. Эйзенштейна и др. [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 295—301], [Lasky], [Бонвеч: 107—108].

Уже во время выступления Ласки из зала доносились возмущенные крики, и часть делегатов покинула зал. Другие, напротив, аплодировали,

подходили к докладчику в перерыве с поздравлениями³. Как отмечали очевидцы, если Вишневецкий своей речью показал очевидность противостояния двух идеологических систем, то Ласки фактически спровоцировал разделение участников съезда на два враждующих лагеря [Vietta: 4].

Утреннее заседание 7 октября, посвященное актуальным проблемам немецкого литературного процесса (Geistige Fragen. Aktuelle Probleme der deutschen Literaturentwicklung), тем не менее продолжилось в рамках запланированной программы.

Участник антифашистского подпольного сопротивления Арнольд Бауэр (Arnold Johannes Bauer, 1909—2006) обрисовал в своем докладе ситуацию с издательским делом в послевоенной Германии. Несмотря на впечатляющие цифры печатной продукции (до 7000 тысяч названий, согласно каталогу Немецкой книжной выставки 1947 г.) [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 303], среди издателей, отметил докладчик, «редки смелые экспериментаторы, охотники за молодыми талантами — голосом времени» [Там же: 304].

Аплодисментами была встречена речь участника антифашистского Сопротивления, поэта Стефана Хермлина «Где молодая литература?» (“Wo bleibt die junge Dichtung?”). Он начал свою речь с замечания о том, что в отличие от антифашистской литературы в изгнании и в подполье, в литературе, не подвергавшейся официальному запрету, «не произошло рационального критического разговора о немецком фашизме» [Там же: 310]. Причину нежелания писателей-афашистов [Зачевский: 707—728] обращаться к проблематике нацистского прошлого Хермлин видит в том, что «фашизм и войну <...> терпели, именно терпели, а не боролись против них»: «Наша современная нефашистская литература, наша лирическая поэзия в особенности, несут на себе отпечаток троглодитства <...>. Отсюда <...> влечение к консервативному, статичному, ретроградскому. <...> авторы боятся прямого, конкретного, спасаются бегством в метафизику и называют убийц в лучшем случае демонами» [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 311—312].

Выступление Хермлина постоянно прерывалось аплодисментами и одобрительными возгласами из зала: «Правильно! Bravo!» и др.

Реакция на речь Ласки с советской стороны последовала на вечернем заседании того же дня. В. Катаев в своем выступлении-отповеди заявил: «Я познакомился с речью так называемого американского писателя Ласки. Я счастлив встретить, наконец, поджигателя войны во плоти и крови. У нас в Советском Союзе нет таких типажей. Это очень показательное зрелище. Я не знаю, какие книги написал Ласки. Я знаю других американских писателей, но Ласки мне совершенно неизвестен. Я уверен, что, если когда-нибудь Ласки будет увековечен в монументе, благодарные американцы напишут на нем: “Могила неизвестного писателя”. Сегодня достоинство людей измеряется их отношением к демократии и к Советскому Союзу. То, что неизвестный никому Ласки сказал о Советском Союзе, естественно, есть ложь от начала и до конца. Такая ложь не новость для нас; доктор Геббельс тоже любил прибегать к подобным методам настраивать людей против Советского Союза. Чем это кончилось, известно всем» [Там же: 336].

«Нечистоплотность» Ласки в освещении фактов Катаев «разоблачил», в частности, на примере публикации в СССР произведений Зоценко: «Что, собственно, произошло с Зоценко? Зоценко у нас резко критиковали <...>».

³ См. интервью с М. Ласки в газете «Мир» (“Die Welt”) 15.01.1985.

А ныне новые рассказы Зоценко напечатаны в последнем номере журнала “Новый мир”, и напечатаны они, собственно говоря, мною, так как я — один из редакторов этого журнала. О том, что рассказы Зоценко напечатаны, неизвестному Ласки, очевидно, неведомо, поскольку он пользуется “устаревшими отмычками”» [Там же: 337].

В знак протеста против «провокации» Ласки советская делегация демонстративно покинула зал, а сам Ласки в одночасье обрел известность. Г. Майер вспоминает об атмосфере в зале после выступления журналиста: *«Беспокойство в зале нарастало. Все было подготовлено заранее. Дымищиц потом признавался нам, что в какой-то миг собрался прервать оратора: здесь в театре он все-таки был хозяином положения. К счастью, он этого не сделал» [Mayer: 391].*

Как известно, пишет Майер, «Ласки стал состоятельным человеком, организовывал конгрессы за свободу культуры, основывал журналы, привлекал к работе знаменитых авторов» [Mayer: 393]. Среди них были Т. Адорно, Т. Манн, Г. Бёлль, Т.С. Элиот и др. Так, в Берлине начал выходить ежемесячный немецкоязычный журнал “Der Monat” («Месяц»), получавший в разные годы финансирование от влиятельных фондов и организаций, среди прочего — от ЦРУ. Журнал задумывался как идеологический мост между германскими и американскими интеллектуалами, точнее — как инструмент для продвижения в Германии и шире — в Европе — американских внешнеполитических интересов, развертывания холодной войны и в сфере культуры [Saunders: 30]. «Все знали, — уверенно заявляет Майер, — откуда брались деньги, но все удивлялись, когда им об этом говорили» [Mayer: 393].

Реакция советских участников съезда на выступление М. Ласки, по мнению Майера, свидетельствовала о том, что «застигнутые врасплох», они не сумели или не захотели ответить на разыгранный американцем спектакль по существу и были вынуждены «сохранять лицо» и бурно протестовать, хотя, если учесть их статус, в отличие от Ласки, они были достаточно информированы о том, что происходило в СССР [Mayer: 393].

Американцы же, в планы которых изначально не входило радикально вмешиваться в работу съезда (свидетельством тому — отсутствие среди американских делегатов всемирно известных писателей), умело воспользовавшись ситуацией, с помощью Ласки ощутимо «подпортили» престиж советской делегации.

К сожалению, сведения о выступлениях некоторых участников съезда сохранилась лишь в материалах газетных и журнальных публикациях тех лет и в редких воспоминаниях самих делегатов. Вместе с тем и эта информация давала представление о широте и разноречивости представленных точек зрения. Так, о содержании выступления Г. Майера можно судить по его уже упомянутым воспоминаниям «Немец с испытательным сроком» (“Ein Deutscher auf Widerruf”, 1982). Оценки Майера, прозвучавшие годы спустя, не потеряли значения, более того, они представляются еще более важными благодаря тому, что отличаются от живых впечатлений большей аналитической взвешенностью: *«в чем был смысл конгресса? <...> Он остался первым и последним конгрессом немецких писателей такого рода. Ласки помог воспрепятствовать грозящему продолжению, что и составило суть его поступка. Было представлено еще несколько прекрасных докладов <...>. Тем не менее, провал был неизбежен. Поначалу дружески настроенные писатели постепенно разделились на западную и восточную партии <...>. По крайней мере, конгресс завершился мирно» [Mayer: 391—392].*

Издававшийся Канторовичем в советской зоне Берлина журнал «Восток и Запад» (“Ost und West”), который, по замыслу редактора, был призван стать мостом между двумя политическими и культурными системами, в одном из номеров опубликовал мнения некоторых участников съезда, планировавших организовать нечто подобное, например, в Мюнхене [Birt]. О возможности дальнейшего сотрудничества писателей свидетельствует и оценка съезда критиком и писателем из Мюнхена Гюнтером Гроллем (Günter Groll, 1914—1982): «Это были не разные языки, а два “диалекта”, один западный, другой — восточный. Не стоит строить на этот счет каких-либо иллюзий. Но мы ощущали, что единство наших культур и нашей тесной связи существует, несмотря ни на что» [Groll: 59—60, 90].

Действительно, несмотря на разногласия по многим вопросам (внутренняя и внешняя эмиграция, антифашистская борьба в новых условиях, вопросы демократии и гуманизма, задачи литературы и пр.) на съезде был принят ряд резолюций (против антисемитизма, за отмену законов о лишении гражданства немецких писателей, принятых во время нацистской диктатуры) и манифест. В заключительных документах нацистский режим был осужден как варварский. В них прозвучала мысль о необходимости создавать произведения, которые постоянно должны напоминать миру о тех, кто несет моральную ответственность за страдания, причиненные народам гитлеровской Германией, содержался призыв сохранять и развивать гуманистические традиции немецкой культуры, подчеркивалась роль литературы в предотвращении угрозы разделения страны, духовной изоляции Германии, в борьбе за мир: «Мы, немецкие писатели, клянемся словом и делом служить делу мира — в нашей стране и на всей планете» [Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß: 84—85].

В заключительном слове на закрытии съезда Р. Хух выразила надежду на то, что «съезд писателей внесет свой вклад в возрождение Германии» [Erster Deutscher Schriftstellerkongreß...: 441].

Б. Горбатов, высоко оценив работу съезда, отметил, что он стал «первой встречей друзей», которые «встретились <...> после долгой разлуки» [Там же: 432], а его важнейшим итогом — то, что он внес ясность в понимание поставленных проблем, прежде всего со стороны немецких писателей, и в вопросах немецкой литературы [Там же: 433].

В.Э. Зюскинд отметил, что съезд во многом оказался непохожим на прежние подобные мероприятия, и не совсем оправдал ожиданий его организаторов и участников, поскольку больше внимания на нем уделялось мировоззренческим, политическим, а не профессиональным, литературным вопросам. Тем не менее писатель с оптимизмом резюмировал: «*И все же это был великолепный конгресс, потрясающий конгресс, конгресс, который пугал нас и поражал, и снова наполнял счастьем; этот конгресс надолго останется у нас в памяти и может стать для многих из нас неким носителем новых смыслов*» [Там же: 438].

Краткие итоги берлинского съезда подвел в вышедшей в октябре 1947 г. статье «Первый конгресс писателей. Записки советского гостя» А.Л. Дымшиц: «*В течение этих пяти дней было многое сказано, многое подвергнуто обсуждению, прояснено много спорных вопросов и завязаны контакты для проведения будущих новых дискуссий*» [Dymschitz: 99].

Первый всегерманский конгресс немецких писателей при всей разнонаправленности высказанных его участниками мнений получил положительный

отклик во всех зонах оккупации Германии. Его работу достаточно подробно освещали практически все средства массовой информации СВАГ — официальный орган СЕПГ, газета «Нойес Дойчланд» (“Neues Deutschland”, «Новая Германия»), издававшийся Культурбундом еженедельник «Зонтаг», журналы «Ауфбау», «Восток и Запад» и др.

Ведущие органы печати западных зон оккупации также освещали это событие. Информацию о съезде давали подконтрольная Американской военной администрации ежедневная газета «Дер Тагесшпигель» (“Der Tagesspiegel”, «Зеркало дня»), «Ди Нойе Цайтунг» (“Die Neue Zeitung. Eine amerikanische Zeitung für die deutsche Bevölkerung”, «Новая газета. Американская газета для немецкого населения»), надпартийная газета британской зоны «Ди Вельт» (“Die Welt”, «Мир») и др. Однако, за исключением французской прессы, авторы в основном ограничивались общей информацией, обращая внимание преимущественно на окололитературные факты, редко цитируя или комментируя высказывания участников съезда, что свидетельствовало о достаточно равнодушном отношении западных властей к этому событию.

Нередко содержание западных публикаций сводилось к критике происшедшего на съезде. Так, «Дер Тагесшпигель», в частности, отмечал, что «во время дискуссий коммунистическое крыло выдвинуло лучших ораторов», но, в общем, «все только и занимались тем, что пытались уколоть другую сторону» [Аноним: 17].

Подобное отношение к работе конгресса в известной мере отражало уверенность западных оккупационных властей в том, что объединение Германии пройдет по западному образцу. В свою очередь в восточной зоне оккупации Первый конгресс немецких писателей рассматривался как важное политическое и культурное явление в деле создания нового общегерманского государства по образцу советского. Не случайно все последующие съезды писателей ГДР вели отсчет именно от Первого общегерманского конгресса 1947 года.

Список литературы / References

- Бонвеч Б. Распад антигитлеровской коалиции на «два лагеря» и немецкие писатели: роль Мелвина Ласки в послевоенном Берлине // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63-2). С. 107—108.
(Bonvech B. The Break-up of the Anti-Hitler Military Coalition into “Two Camps” and German Writers: the Role of Melvin Lasky in Post-War Berlin, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, № 3 (63-2), pp. 107—108. — In Russ.)
- Зачевский Е.А. Афашистская литература // История литературы Германии XX века: в 2 т. Т. 1. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 707—728.
(Zachevskij E.A. Afashist-Literature, *German Literary History of 20-th Century: in 2 v*, vol. 1, book 2, Moscow, 2018, pp. 707—728. — In Russ.)
- История литературы ГДР. М.: Наука, 1982. 543 с.
(Literary History of the GDR, Moscow, 1982, 543 p. — In Russ.)
- Попов И.Д. Конференции премьер-министров германских земель в 1947—1949 годах как предпосылка становления Федеративной Республики Германия // Научный диалог. 2020. № 12. С. 290—307.
(Popov I.D. Conferences of Minister Presidents of the German States in 1945—1947 as a Prerequisite for the Formation of the Federal Republic of Germany, *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 12, pp. 290—307. — In Russ.)

- 15 Kongreßbeiträge und weitere begleitende Texte sind dokumentiert // Zur Tradition der deutschen sozialistischen Literatur. Eine Auswahl in Dokumenten. Bd. 3: 1941—1949 / hrsg. von I. Hiebel. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1979. 66 S.
- Anonym. Parlament des Geistes. Der Spiegel. 11 Oktober 1947. S. 17.
- Birr E. Ost und West: Berlin, 1947—1949. Bibliographie einer Zeitschrift. München: K.G. Saur, 1993. 125 S.
- Bock S. Literarische Programmbildung im Umbruch. Vorbereitung und Durchführung des 1. Deutschen Schriftstellerkongresses 1947 in Berlin // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. 7. Jg. 1979. S. 120—149.
- Der erste gesamtdeutsche Schriftstellerkongreß nach dem zweiten Weltkrieg im Ostsektor Berlins vom 4. bis 8. Oktober 1947 / hrsg. von W. Wende-Hohenberger. Frankfurt a.M. u.a.: P. Lang, 1988. 99 S.
- Dymshitz A. Der erste Schriftstellerkongress. Aufzeichnungen eines sowjetischen Gastes // Neue Welt. 1947. N 20. S. 99.
- Erster Deutscher Schriftstellerkongress 4.–8. Oktober 1947: Protokoll und Dokumente (Aufbau-Sachbuch) / hrsg. von U. Reinhard, D. Schienstedt, H. Tannenberger. B.: Aufbau Verlag, 1997. 543 S.
- Gmehling J. Kritik des Nationalsozialismus und des Sowjetkommunismus in der Zeitschrift «Der Monat». Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Fakultät Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. Fachbereich Sozialwissenschaften der Universität Hamburg. Hamburg, 2010. 952 S.
- Groll G. Münchener Epilog zum 1. Deutschen Schriftstellerkongreß // Ost und West. H. 5. November 1947. S. 59—60.
- Kron F. Schriftsteller und Schriftstellerverbände. Schriftstellerberuf und Interessenpolitik 1842—1973. Stuttgart: Metzler, 1976. S. 229.
- Lasky M. Thank you! Thank you! // TIME Magazine. 20.10.1947.
- Ljwow A. Über Schönheit und über Unschönes verhalten // Tägliche Rundschau. 1947. N 277. S. 11.
- Mayer H. Ein Deutscher auf Widerruf. Erinnerungen. B. 1. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1985. S. 388.
- Saunders F.S. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. New York: The New Press, 1999. P. 30.
- Schiller A. Gesellschaftliche Verantwortung — Humanismus — Realismus. Die Bemühungen sozialistischer Schriftsteller auf dem Ersten Deutschen Schriftstellerkongreß 1947 in Berlin um die gemeinsame Teilnahme aller humanistischer Schriftsteller an der antifaschistisch-demokratischen Umgestaltung in Deutschland. Diss. (masch.). Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1975. 354 Bl.
- Scholtis A. «Sozialistischen Realismus»? // Aufbau. 1948. H. 1. S. 84.
- Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945—1953 / hrsg. von A. Hartmann, W. Eggeling. Berlin: Akademie Verlag, 1998. 440 S.
- Tkaczyk W. Sozialistischer Realismus // Berlin am Mittag. 1947. N 252. S. 1.
- Vietta E. Über die Verantwortung des Schriftstellers. Ein Nachwort zum Berliner Schriftsteller-Kongreß // Die Zeit. 23.10. 1947. S. 4.
- Wende-Hohenberger W. Ein neuer Anfang? Schriftsteller-Reden zwischen 1945 und 1949. Stuttgart: J.B. Metzler, 1990. S. 119.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Зачевский Евгений Александрович — доктор филологических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, archont35@mail.ru

Zatshevsky Evgeny Alexandrovich — Doctor of Science (Philology), Independent Researcher, St. Petersburg, Russian Federation, archont35@mail.ru

Кудрявцева Тамара Викторовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия, muchina@yandex.ru

Kudryavtseva Tamara Viktorovna — Doctor of Science (Philology), Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, muchina@yandex.ru